

с. 2-3.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ.

VIII.

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» 1895 г., № 12. «МІРЪ БОЖІЙ» 1896 г., № 1.

Изъ крупныхъ ежемѣсячныхъ органовъ укажемъ еще на «Русскую Мысль». Странное всегда чувство вызываетъ въ насъ этотъ московскій журналъ, когда мы беремъ въ руки его увѣсистую книгу (страницъ въ 600 каждая), — чувство удивленія съ одной стороны переплетъ заботливостью редакціи о доставленіи духовной пищи читателямъ и — невольнаго раздраженія съ другой... Другого такого толстаго изданія въ Россіи, кажется, не существуетъ. Раскрывая журналъ, вы прежде всего поражаетесь тѣмъ обстоятельствомъ, что довольно скудный въ другихъ журналахъ беллетристич. отдѣлъ въ «Р. М.» занимаетъ каждый разъ не менѣе 200 — 250 страницъ! Три четверти его удѣляется, конечно, переводнымъ романамъ: «Камо грядеши?» роману Генриха Сенкевича изъ времени Нерона, «Марчелль», роману миссисъ Уордъ, «Маленькому Приходу» Альфонса Додэ и т. п. «Рус. Мысль», нужно отдать ей справедливость, отличается умѣньемъ выбирать иностр. беллетристику: декадентскихъ произведеній Габріэля д'Аннунціо она не поднесетъ своимъ читателямъ, подобно декадентской редакціи «Свѣт. Вѣстн.»; не поднесетъ и какой-нибудь бросовой «Старой Дѣвы», которою угощаетъ временами своихъ подписчиковъ «Рус. Бог.», очевидно, глядящее на переводные романы, какъ на своего рода «затычки» и въѣсть, почему-либо оставшихся въ журналѣ пустыми. Итъ, «Р. М.» даетъ всегда вещи если не замѣчательныя, то во всякомъ случаѣ талантливыя и сим-

патичныя. Но она упускаетъ изъ виду одно соображеніе: за переводными романами публика можетъ обратиться къ «Вѣстнику Иностр. Литературы» и т. п. изданіямъ, отъ ежемѣсячныхъ органовъ, посылающихъ громкое названіе «Рус. Мыс.» и призваннаго стоять стражемъ общественныхъ интересовъ, публика вправе требовать не «занимательнаго» чтенія скуки ради, а чего-то совѣстнаго, совѣстнаго другого... И вотъ этого-то «другого» «Р. М.» даетъ слишкомъ мало, а часто и совѣстнаго не даетъ! Журналъ это, конечно, честный, мыслящій, составъ сотрудниковъ его вполне почтенный и достойный всяческаго уваженія, но какой-либо определенной общественной, экономической, этической программы онъ вамъ не представитъ, отвѣта на запросы ума и чувства волнующему злобой дня современнику не дастъ. Мало того: сама редакція имѣетъ, повидимому, довольно шаткіе взгляды на самыя жгучія проблемы современности, что показываютъ, напр., ея противурѣчивые отзывы объ экономич. материализмѣ и о «русскихъ ученикахъ» Маркса. Подобными фактами сама «Р. М.» даетъ оружіе своимъ противникамъ изъ реакц. лагеря, идовито утверждающимъ, что она «пользуется не влияніемъ, а только подписчиками, да и тѣ были созданы не ея усиліями и не ея талантомъ» — не совѣстнаго безосновательный намекъ на переходъ къ «Р. М.» подписчиковъ «Отеч. Записокъ»...

Какую статью ни возьмете изъ списка любого № журнала, изъ беллетристич. или серьезнаго отдѣла, каждая изъ нихъ въ своемъ родѣ недурна, каждая съ интересомъ будетъ прочтена тѣмъ или другимъ читателемъ — специалистомъ, каждая смѣло могла-бы быть напечатана въ томъ или другомъ изданіи: «Растенія и Муравьи»,

«Иванъ Грозный и его оппоненты», «Война у разныхъ народовъ», «Какъ не слѣдуетъ почитать справедливость у римскихъ юристовъ» и т. д. и т. д. Но какое отношеніе имѣютъ эти статьи къ «Р. М»? Почему онѣ напечатаны именно въ настоящее время? Есть, правда, въ «Р. М.» и постоянные отдѣлы, вроде «Внутр. Обзорѣнія», «Иностр. Обзоръ», «Соврем. искусства», «Очерковъ провинц. жизни», «Библиографич. отдѣлъ», но... за исключеніемъ развѣ послѣдняго, всѣ они ведутся неталантливо, профессорски холодно и, говоря правду, снотворно Единственный, быть можетъ, живой отдѣлъ въ «Р. М.» — библиографическій, или, точнее говоря, часть его, посвящаемая журнальному обзорѣню, какъ то удивляетъ даже своей живостью, переходящей порой въ полемическій задоръ, къ такому мертвенно солидномъ журналѣ. Въ этомъ смыслѣ на немъ отдыхаешь иногда душою, хотя и не согласишься бываешь съ мнѣніями автора — Переходи къ произведеніямъ не постоянныхъ отдѣловъ журнала, прежде всего ищешь, конечно, знаменитыхъ именъ, которыми «Р. М.» особенно любитъ щеголять. Изъ беллетристовъ ее украшаютъ своими именами гг. Чеховъ, Григоровичъ, Немировичъ-Данченко, Потапенко, Альбовъ. Изъ нихъ первый — писатель, занявшій въ послѣдніе годы въ мнѣніи критики и общества мѣсто почти равное съ г. Короленкомъ. Лично мы думаемъ, однако, что, обладая сильнымъ художеств. талантомъ, г. Чеховъ никогда не станетъ такимъ всеобщимъ любимцемъ публики, какъ авторъ «Голоднаго года», рассказовъ «Ночью», «Въ дурномъ обществѣ», «Безъ языка», «За иконой» и др. Совершенно вѣрно выразился однажды г. Михайловскій объ этомъ писателѣ, что у него «холодная кровь»;

про г. Короленко мы могли-бы сказать, что у него, напротивъ, «горячая кровь». Этими короткими опредѣленіемъ все сказано. Г. Короленко своими произведеніями волнуетъ насъ, вызывая въ нашей душѣ сильную и глубокія эмоціи общественнаго и философскаго характера, заставляя чутко прислушиваться къ своему голосу, жадно слѣдить за появленіемъ каждой своей строки; г. Чеховъ доставляетъ своими рассказами, если можно такъ выразиться, чисто индивидуальное художественное наслажденіе. Мы читаемъ ихъ съ большою охотою, мы признаемъ каждый разъ крупный талантъ автора, его огромную наблюдательность, острую силу анализа, но... и только! И нельзя даже сказать, чтобъ таковъ былъ обычный удѣлъ писателей-аналитиковъ: достаточно вспомнить хотя-бы Достоевскаго, въ такой высокой степени умѣвшаго волновать и жечь своимъ «глаголомъ» сердца людей. Нѣтъ, мы думаемъ, что объясняется это просто, сравнительно, «холодною кровью» г. Чехова, блѣдностью его писательскаго темперамента. За послѣдніе два мѣсяца онъ подарилъ намъ два прелестныхъ въ своемъ родѣ рассказа — «Убіеніе» и «Ариадна»; въ январьской книжкѣ «Р. М.» общается еще и третій — «Домъ съ мезониномъ». Но всѣ эти рассказы (повторяемъ — прелестные каждый въ своемъ родѣ) не выходятъ изъ предѣловъ все того-же частнаго анализа. Мы не хотѣли бы быть ложно понятыми. Несомнѣнно, что и г. Чеховъ любитъ дѣлать обобщенія (даже черезчуръ иногда широкія и поспѣшныя), но обобщенія эти онъ приклеиваетъ къ своимъ произведеніямъ большею частью чисто публицистически, тогда какъ г. Короленко, подобно всѣмъ большимъ художникамъ, умѣетъ давать ихъ нева-

Ст. об. —>

мѣтно для читателя, въ художественныхъ обра-
захъ. Вотъ почему намъ кажется, что послѣдній
писатель болѣе крупныхъ размѣровъ и имѣетъ
впередъ болѣе широкую будущность, нежели г.
Чеховъ. Пусть напишетъ этотъ послѣдній еще
сотню такихъ-же прекрасныхъ рассказовъ, какъ
«Аріадна», — и къ славѣ его они ничего не при-
бавятъ, любви къ нему читающей публики не
увеличатъ. Г. Чеховъ, кромѣ того, мрачный пес-
симистъ по своимъ воззрѣніямъ на жизнь вооб-
ще и на человека въ частности; напротивъ, г.
Короленко — жизнерадостный оптимистъ, съ бо-
дыми взглядами бойца и обществ. дѣятеля: это
обстоятельство также позволяетъ ждать отъ не-
го сравнительно большаго.

Въ своемъ послѣднемъ рассказѣ «Аріадна» г.
Чеховъ направляетъ остріе своего горькаго скеп-
тицизма противъ русской женщины культурнаго
класса, и хотя предпочитаетъ скрыться при этомъ
за спину героя, отъ имени котораго якобы ведется
рассказъ, но чувствуется, что укрывательство это
не совѣсть, быть можетъ, искреннее. Но какъ-
бы ни относились мы къ пессимистическимъ обо-
щеніямъ г. Чехова, «Аріадну», также какъ и
предшествующій ей рассказъ «Убіеніе», слѣ-
дуетъ признать очень талантливыми вещами, на-
писанными съ искусствомъ крупнаго художника
и читающимися съ большимъ интересомъ. Осо-
бенная сила чувствуется всегда у г. Чехова въ
изображеніи мелкихъ чертъ жизни и человѣче-
скихъ характеровъ. Однимъ какими-нибудь мѣт-
кимъ опредѣленіемъ, словомъ онъ ухватитъ во весь
ростъ нарисовать человека, и оттого даже третье-
степенныя фигуры его рассказовъ всегда жи-
вуть, дышатъ.

Гораздо менѣе посчастливилось «Р. М.» съ

«юбилеемъ» г. Альбова. Лѣтъ пятнадцать тому на-
задъ писатель этотъ выступилъ въ литерату-
рѣ съ большимъ и блестящимъ успѣхомъ. Его
«День Итога» позволилъ критикамъ указывать
даже на внутреннее средство альбовскаго тала-
нта съ талантомъ Достоевскаго... Но съ тѣхъ поръ
г. Альбовъ, пишущій вообще ужасно мало, не
сдѣлалъ никакихъ шаговъ впередъ въ развитіи
своего, несомнѣнно, недюжиннаго дарованія. Онъ
точно застылъ на попыткахъ психологическаго
анализа à la Достоевскій. Напечатанная же въ
наст. время большая повѣсть «Юбилей» пред-
ставляетъ собою прямо какую-то ученическую
вещь, хотя и написанную съ большими претен-
зіями, на которыя указываетъ самый подзаголо-
вокъ: «не совѣтъ обыкновенная исторія». Исто-
рія, между тѣмъ, самая обыкновенная, да при-
томъ еще и не совѣтъ красивая. Старикъ, —
гимназическому учителю, товарищи по службѣ
устроили праздникъ по случаю юбилея. На юби-
лей, какъ водятся, всѣ перепились. Пьяный юби-
ляръ попалъ оттуда, самъ того не сознавая, въ
притонъ самаго недвусмысленнаго характера. Ста-
рушка-жена, страшно встревоженная отсутствіемъ
мужа, посылаетъ одного знакомаго разыски-
вать его по всему городу. Тотъ на утро
находитъ его, выводитъ почти насильно
изъ притона и везетъ прямо въ баню. Слѣ-
дуетъ подробная и ультра натуралистическая
картина обмыванія героя. Кончается все, разу-
мѣется, благополучно: жена ничего не узнаетъ о
почтихъ похожденияхъ стараго грѣшника, и по-
слѣдній, вынесши, впрочемъ, тяжелую болѣзнь,
никогда въ жизни не упоминаетъ больше о сво-
емъ юбилей. Авторъ заключаетъ смиренной (на-
че гордости) тирадой, гдѣ говорить, что ему не

Аквилон